

Когда Чжуан Лин вернулся, вместе с ним в комнату ворвался такой умопомрачительный аромат еды, что у Хань Хэна мгновенно потекли слюнки. На подносе исходила паром запечённая гусятина, лежали тонкие рисовые рулеты, аппетитно зеленели наспех обжаренные овощи, а рядом высилась пиала с кашей — судя по запаху, нежной, с кусочками рыбы. Чжуан Лин примостил поднос на столике у кровати и первым делом отправил Хань Хэну в рот сочный кусок гуся.

В прошлой жизни, когда он заболел, агент ухаживал за ним точно так же, поэтому Хань Хэн не усмотрел в такой заботе ничего предосудительного. Он уплетал угощение за обе щеки, украдкой разглядывая Чжуан Лина. Тот как раз прилежно выуживал из каши тонкие нити имбиря. Заметив на себе взгляд, Чжуан Лин поднял глаза:

— Надо было сразу велеть им готовить без имбиря, да только без него рыбный запах не перебить, вышло бы невкусно. Но у тебя слишком много ран, так что имбирь тебе сейчас ни к чему.

— Пустяки, я в еде никогда не привередничал.

Чжуан Лин окинул его долгим испытующим взглядом. На мгновение его лицо едва заметно окаменело, но он тут же мягко улыбнулся:

— Ты просто позабыл, каким капризным рос. Терпеть не мог сельдерей, лук, даже белую редьку — если сырая, ни за что в рот не брал. Тебя выхаживали бережнее, чем иного благородного господина.

Хань Хэн удивленно округлил глаза.

«Вот оно что. Неудивительно, что у этого тела такая нежная кожа. Баловали его знатно»

— Ты до сих пор помнишь мои капризы? — нерешительно спросил Хань Хэн.

— Конечно. Память у меня отменная, — Чжуан Лин зачерпнул ложкой кашу. — Но всё это дела давно минувших дней. А теперь открой рот.

Он осторожно подул на кашу, попробовал сам, проверяя, не горячо ли, и лишь затем поднёс ложку к губам Хань Хэна.

Каша оказалась пресной, почти несолёной — самое то для больного. Проглотив её, Хань Хэн уже открыл было рот, чтобы расспросить обо всём, но Чжуан Лин бросил на него короткий взгляд. То ли этот взор показался слишком холодным, то ли давила память о недавней суровости спутника, но Хань Хэн невольно сжался от накатившего страха.

— Ешь молча. Желудок у тебя с самого детства слабый, а дурная привычка болтать за едой так

и осталась. Столько лет прошло, а ты всё не меняешься.

Хань Хэну пришлось прикусить язык, хотя его тёмные глаза так и бегали из стороны в сторону, выдавая лихорадочную работу мысли.

Когда с едой и горьким отваром было покончено, он наконец не выдержал:

— Скажи мне без утайки, кто я такой? Моя матушка в столице? Кто она? Как ей живётся после смерти отца? И вообще... зачем ты меня обманывал? Ты злишься на меня? Но почему? Мы долго не виделись, да? Иначе с чего бы тебе при первой встрече упрекать меня в забывчивости? Ты сердишься, что я тебя позабыл?

Вопросы, которые он прокручивал в голове весь обед, хлынули неудержимым потоком.

Чжуан Лин присел на край постели и потянулся рукой к его лицу, намереваясь ласково коснуться пряди волос у виска. Но Хань Хэн инстинктивно отпрянул. Чжуан Лин замер, его пальцы медленно сжались в кулак, и он опустил руку.

— Тебя действительно зовут Хань Хэн, тут я не лгал, — заговорил Чжуан Лин. — Выдумкой была лишь твоя прошлая жизнь. Твоя матушка — моя кормилица. Даже когда она вышла замуж, моя мать настояла, чтобы вся ваша семья осталась при усадьбе — так было проще за мной присматривать. Твой отец служил у моего батюшки доверенным управляющим, а матушка изначально была в свите моей матери. Когда тебе исполнилось десять, твой отец отправился в Юйян собирать долги и сгинул в страшном наводнении. Вместе с ним вода унесла и двоих слуг.

Чжуан Лин замолчал, внимательно вглядываясь в лицо собеседника. Хань Хэн лишь слегка нахмурился: ни тени скорби, ни капли подозрения.

— Слуга, что принёс тогда эту горькую весть, до сих пор служит у нас. Твоя матушка планировала съехать из усадьбы, когда мне исполнится лет пятнадцать-шестнадцать. Однако гибель мужа подкосила её здоровье, и она осталась жить при доме. О ней заботятся как о полухозяйке — ни в чём нет нужды. Да только она не привыкла сидеть без дела. Перед самым моим отъездом она увлечённо шила мне зимнюю одежду, хотя до холодов ещё добрых полгода.

В воображении Хань Хэна возник смутный образ нежной, заботливой женщины, сотканный исключительно из слов Чжуан Лина. Сам он не помнил ровным счётом ничего. С досадой он постучал пальцами по виску, силясь прогнать тупую боль.

— Удалось что-нибудь вспомнить? — Чжуан Лин подался вперёд, ловя малейшие перемены в его мимике. Но на лице Хань Хэна отражалось лишь глухое страдание от головной боли.

— Нет, — Хань Хэн разочарованно покачал головой.

— Голова раскалывается? Тогда не мучай себя, — Чжуан Лин мягко положил ладони ему на плечи, увлекая обратно на подушки.

Но Хань Хэн перехватил его руки и, страдальчески сведя брови, взмолился:

— Расскажи всё до конца. Я должен понять, кто я такой и что связывает нас с тобой.

В его взгляде сквозила глубокая, искренняя растерянность. Крупницы сведений, которыми делился Чжуан Лин, были слишком ничтожны, чтобы из них сложилась мозаика прошлого этого тела.

Чжуан Лин налил ему чаю. Тёплая влага немного утихомирила бурю в душе Хань Хэна. Кем бы ни был прежний хозяин этой плоти, у него не оставалось иного выбора, кроме как смириться. Отныне его зовут Хань Хэн, и ему придётся обживать этот чужой мир. А Пэй Цзя... Пэй Цзя, должно быть, навсегда остался там, на илистом дне ледяного озера.

От этой мысли его передёрнуло.

— Что с тобой? — встревожился Чжуан Лин.

— Ничего, — Хань Хэн попытался выдавить улыбку. — Просто пока я лежал в бессмятстве, мне снился странный сон.

Ресницы Чжуан Лина едва заметно дрогнули:

— И что же за сон?

— Да глупость какая-то, — Хань Хэн повёл плечом. — Будто я бродячий актёр, которого похитили и бросили в озеро. Очнулся я у реки — должно быть, журчание воды навеяло... Но из того, что ты рассказал мне только что, я действительно ничего не помню.

— Не торопись, всему своё время, — мягко произнёс Чжуан Лин. — Этот сон — добрый знак. Твоя память бережёт отголоски тех лет, что ты скитался на чужбине. Слава богам, я отыскал тебя, иначе вовек не посмел бы взглянуть в глаза тётушке Юнь.

— Тётушке Юнь?

— Да, я зову твою матушку тётушкой Юнь, — Чжуан Лин мягко пересел и устроился прямо позади Хань Хэна.

Хань Хэн мгновенно подобрался, всё его тело одеревенело. Слишком свежи были

воспоминания о том, как близкое соседство с Чжуан Лином оборачивалось для него острой болью.

— Расслабься, я больше пальцем тебя не трону, — в шутливом тоне Чжуан Лина сквозила затаённая грусть. — Я погорячился, каюсь. Но ты ведь не станешь таить на меня обиду? Это было бы несправедливо с твоей стороны.

Хань Хэну стало не по себе. За те несколько дней, что они провели в пути, он успел уяснить: Чжуан Лин — человек властный, деспотичный, привыкший во всём навязывать свою волю и начисто лишённый терпения. Неужели вся эта суровость была лишь затянувшейся детской обидой на Хань Хэна?

— Да я... я ведь ничегошеньки не помню, — смущённо пробормотал он, симулируя неловкость и принимаясь теревить прядь волос.

— Не надо, — Чжуан Лин внезапно перехватил его запястье.

Хань Хэн так и замер. Быть во власти чужих рук ему совсем не улыбалось, но неможное тело не могло оказать и капли сопротивления.

— Отпусти, пожалуйста, — взмолился он.

И Чжуан Лин, к его великому удивлению, послушно разжал пальцы.

Это принесло облегчение. Хань Хэн повернул голову и наткнулся на помрачневшее, почти обиженное лицо Чжуан Лина.

— Ну... не хмурься так. Я действительно ничего не помню, а от попыток сосредоточиться только голова раскалывается, — Хань Хэн пустил в ход всё своё актёрское мастерство. Даже одними глазами он умел изобразить безупречную смесь вины и физического страдания.

— Значит, и не нужно, — Чжуан Лин заставил себя натянуто улыбнуться, но в глубине его глаз промелькнул холодный, расчётливый огонёк. Он ласково провёл ладонью по волосам юноши.

Подобная близость Хань Хэна ничуть не смущала. В бытность Пэй Цзя его не раз пытались потрогать или ущипнуть разные сомнительные личности. Пока дело не доходило до постели, он охотно терпел мелкие вольности ради собственной выгоды. К тому же сейчас гладили даже не его собственные волосы, так что ему было решительно всё равно.

«Неужели прежнего Хань Хэна и Чжуан Лина связывали... греховные узы? Неужто они были обрезанными рукавами?»

От этой мысли Хань Хэну стало настолько не по себе, что он побоялся даже взглянуть на собеседника. Поспешно выискивая нейтральную тему, он спросил:

— Моя матушка... это она попросила тебя разыскать меня?

— Да, — подтвердил Чжуан Лин. — Полмесяца назад она получила от тебя весточку с просьбой прислать в город Инфэн три тысячи лянов серебра. Тётушка Юнь испугалась, что ты попал в беду. Ведь за все два года скитаний это было первое письмо, которое ты соизволил отправить домой.

Чжуан Лин извлёк из-за пазухи расшитый шёлковый кошель. Тонкая, искусная работа — явно женских рук дело. На ткани красовались две уточки-мандаринки.

Увидев это, Хань Хэн облегчённо перевёл дух и лукаво прищурился:

— И какая же барышня одарила тебя такой красотой?

Взгляд Чжуан Лина на мгновение замер:

— Ты и этого не помнишь?

«Проклятье... Только не говорите, что этот кошель вышел прежний хозяин этого тела!»

У Хань Хэна едва уловимо дёрнулся уголок рта. Он поспешно замял неловкость фальшивым смешком:

— Я же говорю, у меня в голове чистый лист. Тебе придётся рассказывать мне всё с самого начала, ведь сейчас ты — единственный человек, которого я знаю в этом мире.

— Конечно. Я обо всём поведаю тебе по порядку, чтобы ты вспомнил тех, кто тебе по-настоящему дорог, — с едва уловимым намёком произнёс Чжуан Лин.

Тонкими пальцами он вытащил из кошеля изящную нефритовую подвеску — искусно вырезанного, забавного поросёнка из чистейшего изумрудного нефрита превосходной огранки.

— Что это? — любопытствовал Хань Хэн.

— Твой оберег. Ты носил его с самого рождения и не снимал даже во время купания. Возвращаю владельцу, — Чжуан Лин расправил красный шёлковый шнурок и бережно надел подвеску на шею юноши.

Нефритовый поросёнок лёг на грудь Хань Хэна. Он спрятал украшение под воротник. Камень быстро перенял тепло тела, согревая кожу.

— Значит, я родился в год свиньи? — Хань Хэн наивно склонил голову набок, глядя на Чжуан Лина.

— Да. А я старше тебя на шесть лет. В грядущий праздник лотосов тебе исполнится девятнадцать.

«Сбросил целых два года! Неудивительно, что у этого тела кожа как у младенца. В свои девятнадцать я тоже выглядел великолепно, тоннами снимался в рекламе косметики, пока возраст не взял своё»

— А кроме матушки, у меня есть братья или сёстры? — спросил он.

— Есть, — Чжуан Лин замялся, словно подбирая слова. — До пятнадцати лет ты шагу без меня ступить не мог. Всё бегал следом и звал старшим братом.

— А после пятнадцати?

— В тот год к нам приехала бродячая труппа. Ты повадился ходить на их представления, а в один прекрасный день просто не вернулся домой. Лишь спустя долгое время прислал весточку, что прибил к актёрам и учишься оперному мастерству. Твоя матушка тогда... — Чжуан Лин осёкся, будто щадя чувства собеседника.

— Что с ней случилось? — встревожился Хань Хэн.

— Сильно занедужила от горя. Поправилась только тогда, когда пришло твоё письмо.

«Надо же, каким неблагодарным сыном я был...»

Будучи Пэй Цзя, он почти не знал семейного тепла. Отец, прораб на стройках, завёл на стороне другую женщину, которая родила ему второго сына. Домой он почти не заглядывал, а когда Пэй Цзя окончил среднюю школу, родители и вовсе развелись. После этого отец исчез окончательно, лишь исправно перечислял алименты напрямую на счёт сына, чтобы бывшая жена не спустила их на своих ухажёров.

Учёба в колледже стоила баснословных денег, а скромных гонораров за эпизодические роли вечно не хватало, приходилось крутиться самому. Без пятидесяти-шестидесяти тысяч в год выжить было нереально. Мать же его не интересовалась ничем, кроме маджонга. И пускай особой нежностью она сына не баловала, по крайней мере, во время каникул дома его всегда ждал горячий обед. Единственным светлым воспоминанием детства оставалась бабушка, а после её кончины Пэй Цзя преданно заботился о престарелом дедушке. Когда дела пошли в

гору, он регулярно отправлял матери деньги, хотя никогда не высылал всё до копейки — боялся, что она проиграет их за карточным столом.

— Твоя матушка очень тосковала по тебе, — мягко, без тени упрёка произнёс Чжуан Лин, стремясь утешить юношу. Его пальцы осторожно коснулись подбородка Хань Хэна, заставляя того повернуться лицом к нему. — И я тоже... все эти годы я безумно скучал по тебе. Рассылал людей на поиски, но бродячие театры долго не задерживаются на одном месте — день-два, и поминай как звали. К тому же мы не знали имени твоего наставника, потому и не могли тебя отыскать.

Под этим пристальным, глубоким взглядом у Хань Хэна невольно затрепетало сердце. Чжуан Лин обладал неопишуемой, поистине безупречной красотой — даже среди столичных звёзд первой величины такая внешность была редкостью. А уж когда этот человек становился мягким и нежным, его природное обаяние способно было вскружить голову кому угодно.

Хань Хэн неловко кашлянул, стараясь совладать с наваждением.

— Испий воды, — Чжуан Лин протянул ему чашу.

Принимая её, Хань Хэн почувствовал, как взмокли его ладони.

— Мы с тобой... раньше действительно были так близки? — спросил он, опустив голову.

— А ты как думаешь? — негромко отозвался Чжуан Лин сверху. — Ходил за мной хвостиком и без конца звал старшим братом, даже когда другие мальчишки надсмехались над тобой. Да только я уже сто лет не слышал от тебя этого обращения... — Он вздохнул. — Когда ты очнулся, я страшно разозлился, решив, будто ты притворяешься, что не узнаёшь меня. И подумать не мог, что ты действительно лишился памяти. Да и характер у тебя стал совсем другим.

Хань Хэн ощутимо вздрогнул.

— Впрочем, бывшее осталось в прошлом. Отныне я буду оберегать тебя, и никто больше не посмеет тебя обидеть. Если по-прежнему хочешь обучаться театральному искусству — в столице полно великих мастеров. Выбирай любого, я приглашу его прямо в поместье, и он станет обучать тебя лично. Не нужно больше скитаться и терпеть лишения.

Хань Хэн облегчённо перевёл дух, чувствуя, как от сердца отлегло. Кажется, Чжуан Лин не только не заподозрил обмана, но и готов покровительствовать ему, как в старые добрые времена. Смущало лишь одно: названный брат так и не раскрыл своего истинного положения. А оно явно было высоким и знатным, раз он так тщательно его скрывал.

— Спасибо тебе... — искренне поблагодарил его Хань Хэн.

И это была чистая правда. Пускай Чжуан Лин и заставил его помучиться в первые дни, его гнев можно было понять. Если бы Хань Хэн оказался на его месте и встретил старого верного друга, который после долгой разлуки корчит из себя чужака, он бы и сам не удержался от хорошей трёпки.

Тем временем целебный отвар начал действовать, навевая непреодолимую дремоту. Чжуан Лин бережно прижал юношу к себе, позволяя опереться о своё плечо, и негромко продолжил рассказывать забавные истории из их общего детства.

— Только вот с моим старшим братом ты никогда не ладил, — негромко журчал голос Чжуан Лина. — Он недолюбливал тебя, так что по возвращении постарайся не попадаться ему на глаза. Впрочем, вам и так вряд ли доведётся встретиться. Моя матушка, узнав о твоём скором возвращении, не помнила себя от радости. Понимая, что в усадьбе тебе из-за моего брата житья не будет, она заранее купила для вас с тётушкой Юнь отдельный дом в столице. Там вы и поселитесь, вдали от чужих глаз. Я буду часто навещать тебя. Если что-нибудь понадобится — только скажи, не стесняйся.

Хань Хэн, окончательно разморенный теплом и сном, лишь лениво угукнул в ответ. Несмотря на разгар дня, он погрузился в глубокий, безмятежный сон, впервые за долгое время сбросив с плеч всю тяжесть изнурительного пути.

<http://bllate.org/book/20487/2131114>